

АВЕРИНА Е. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АВЕРИН Степан Тимофеевич, родился в 1891 в деревне Филюково Павловского уезда Нижегородской губ. (мать, Аверина Мария Прокофьевна). Получил высшее (?) образование. В 1930-х — проживал в Ленинграде, работал заместителем главного инженера в тресте Ленгосторфа. В 1927 — женился на Елизавете Николаевне Авериной, в семье — двое детей. 15 сентября 1937 — арестован, 1 октября приговорен к высшей мере наказания и 6 октября расстрелян¹.

АВЕРИНА Елизавета Николаевна, родилась в 1902. Получила среднее образование, с 1920 — работала в детском доме, с 1925 — воспитателем в детских садах, с 1933 — музыкальным работником, с 1937 — и артистка хора Государственной академической капеллы. В 1927 — вышла замуж за Степана Тимофеевича Аверина, в семье — двое детей. 23 октября 1937 — арестована, в январе 1938 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Иссык-Энбекши (Казахстан)².

АВЕРИНА Мария Прокофьевна, родилась в 1863. Получила начальное образование. Вышла замуж, в семье — двое сыновей. Проживала в семье сына Степана, занималась домашним хозяйством и воспитанием внуков. В январе 1938 — после осуждения сына выслана на 5 лет в село Учалы на станции Миасс (Башкирия).

В апреле 1938 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Елизавета Николаевна Аверина³.

<14 апреля 1938>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам со своим нетерпимым горем и отчаянием.

Я, Аверина Елизавета Николаевна, 1902 г<ода> рожд<ения> — дошкольный работник Ленинграда. Работала по этой специальности 18 лет. Пять с половиной лет после окончания Советской трудовой школы и дошкольных курсов проработала в детском доме, остальные 13 лет в детских садах Ленинграда. Последние 4 года занималась только музыкальной работой в детских садах.

В 1937 году в январе по конкурсу была принята в Государственную Академическую Капеллу, где и работала по 23 октября 1937 года в качестве артистки хора, совмещая с работой детских садах. В течение 18 лет не имела ни выговоров, ни административных взысканий. 15 сентября 1937 года у меня был арестован мой муж, Аверин Степан Тимофеевич, (работал в Лен<инградском> госторфе, Ленинград, Зимин пер<еулок>, д<ом> 3, в качестве заместителя главного инженера) органами НКВД. Конечно, я была потрясена. Я жила с мужем 11½ лет, имею двух детей мальчиков в возрасте 4 и 10 лет. За эти 11½ лет я не замечала за мужем в семейном быту никаких контрреволюционных действий или разговоров. Ни в каких пьяных кутежах он никогда не участвовал. К нам почти никто не ходил, да и мы также, т<ак> к<ак> были очень заняты. Что делалось у него на службе, я, конечно, не могла знать, т<ак> к<ак> была занята своей работой,

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1644. С. 19-21.

³ Исправлены некоторые ошибки и поставлены знаки препинания.

да и он приходил очень поздно, усталый и измученный за целый день. После ареста мужа я все время надеялась, что это недоразумение, — НКВД все разберет и, если он невиновен, отпустит домой, а виновен, понесет заслуженную кару. Но через месяц 15-го октября я узнала на улице Воинова, 25, что муж мой выслан в Северные лагеря. Ни срока, ни места высылки мне не сообщили. Это был второй удар судьбы. Ради своих ребятишек я старалась не впадать в отчаяние, взяла еще нагрузку в работе и жила надеждой, что срок его высылки небольшой, может быть, он поплатился за какие-нибудь служебные ошибки. В ночь на 23 октября начался для меня кошмар, который мне никогда бы не мог и присниться. Ночью приехала машина НКВД и забрала меня в тюрьму на Арсенальной ул<ице>, д<ом> 9. Дети мои остались с бабушкой 75 лет. При аресте мне предложили подписать бумажку, что меня, как жену врага народа, берут под стражу. Я, не зная за собой никакой вины ни перед родиной, ни перед правительством, простилась с сонными детьми, поехала очень спокойно. В тюрьме я просидела 3 месяца и то, что я там перенесла в смысле условий, не считаю нужным описывать. Думаю только, что наше правительство не допустило бы того, что там делалось с женщинами. Один раз меня вызвал следователь и на допросе спросил: "Знали ли Вы о контрреволюционной, троцкистско-зиновьевской шпионской деятельности Вашего мужа?" Потрясенная до основания (муж был беспартийный), я подписала, что ни о какой преступной деятельности своего мужа не знала. 4 января 1938 года мне предложили подписать постановление Особого совещания НКВД о том, что меня, как социально-опасный элемент, высылают из Ленинграда в Казахстан сроком на пять лет. И вот 15 января 1938 года меня, в числе других жен арестованных мужей, посадили под направленными с двух сторон винтовками в обледенелую теплушку и под конвоем эшелона повезли в Казахстан. Я не имела возможности проститься ни с детьми, ни с родителями. Вскоре после моего ареста в начале ноября была выслана из Ленинграда бабушка моих детей, свекровь, 75 лет, Мария Прокофьевна Аверина, в Башкирскую Республику, станция Миасс, село Учалы. Детей моих подобрал мой брат. В настоящее время они находятся у него в Ленинграде. Три месяца лежания на каменном полу и теплушка не прошли для меня даром. Я тяжело заболела в дороге острым суставным ревматизмом всех суставов. 11 суток я кричала почти без перерыва от ужасных болей, без медицинской помощи и ухода. Я просила на каждой станции начальника эшелона, чтобы он отправил меня в больницу, только бы вон с досок тряского вагона. И только в Алма-Ата 2-го февраля меня скорой помощью отправили в гор<одскую> больницу, где я пролежала 2 месяца. 31 марта я из больницы была выписана, и НКВД гор<ода> Алма-Ата направило меня в станицу Иссык-Энбекши Казахского района на жительство.

Пишу Вам из Иссыка. Нет предела моему отчаянию. Я совершенно еще больной человек, болят руки и ноги. Я ничего уже не хочу от жизни. Если бы не дети, то я давно бы уже прекратила свою жизнь и не стала бы терпеть позор клейма "социально-опасный элемент". За что, за что такая жестокая расплата? Я не виновата ни в чем перед родиной и правительством. Я только жена мужа, который арестован и выслан по причинам, мне совершенно неизвестным. Я никогда не позволила бы себе жить с человеком, который может заниматься контрреволюцией, и поверьте мне,

Екатерина Павловна, что я, жена, первая бы сообщила в НКВД об этом и вычеркнула бы мужа из своей жизни. Почему жена должна отвечать за то, что ей совсем неизвестно. Ведь я работала 18 лет, срок немалый, чтобы выявить мое лицо. Я любила свою родину, свою работу, любила свою жизнь и детей. Была счастлива тем, что живу в такой исторический век. Я радовалась счастливой советской жизни, горячо радовалась успехам своей страны и тяжело переживала ее невзгоды. Я глубоко верила в правду советского строя. То же самое по моим наблюдениям разделял со мною мой муж. Позволю себе отметить, что он плакал как ребенок, когда был убит Сергей Миронович Киров.

И что же случилось? Меня, как преступницу, посадили в жуткую тюрьму на 3 месяца, осудили на позорное изгнание из Ленинграда со штампом "социально-опасный элемент". Я не видела людей, которые меня осудили, мне не дали слова для своего оправдания. Я не могу и не хочу примириться с этим позорным клеймом. Я никогда не была преступницей и никогда таковой не буду. За что не доверяет мне Советское Правительство после 18 лет честной работы? За что разбиты вдребезги счастье и жизнь советской матери? Несмотря на все случившееся, я все равно верю в Советскую правду и знаю, что ее можно найти в Москве, если ошибается Ленинградское НКВД. Если бы я была виновата хоть каплей перед родиной, то поверьте мне, Екатерина Павловна, я не помела бы писать и лгать о своей невинности и заставила бы себя хлебать горечь расплаты.

~~На днях я приступаю к работе воспитательницы в местном детгородке, где своей работой должна буду оправдывать доверие к себе Советской власти⁴. Сегодня 15 апреля мне в этой работе отказали по той причине, что я ссыльная, и меня нельзя допустить к работе с детьми-дошкольниками. Что делать, не знаю, т<ак> к<ак> не могу сейчас работать физически, да и такой работы нет. Я сейчас еще больная. Как я буду работать, я себе не представляю. На то, чтобы отдохнуть и подлечиться где-нибудь в санатории, у меня, конечно, нет средств. Мне надо работать, чтобы не умереть с голоду. Я не видела уже своих детей полгода, и когда их увижу, не знаю, т<ак> к<ак> не имею возможности взять их к себе на безнадзорное существование.~~

В Ленинграде я имела хороший заработок и бабушку, на которую оставляла детей. Сейчас у меня нет ничего, кроме больных рук и ног. Просила я в местном НКВД о переводе ко мне старухи, не знаю, что из этого получится.

Я веду с собой упорную борьбу. Из любви к детям я заставляю себя жить и переживать свой позор и отчаяние. Но все, конечно, имеет свой предел. Меня пугают мысли о психическом заболевании и о самоубийстве. Я боюсь, что не сумею справиться со своим горем, тем более, что нервная система расшатана как 18-то летним педагогическим трудом, так и всем перенесенным за эти 7 месяцев. Я плачу кровавыми слезами о незаслуженно утерянном счастье и доверии Советского правительства, о своей работе в Госуд<арственной> Акад<емической> Капелле, поступление в которую было мечтой моей жизни. Погибли годы упорной работы над своим голосом и роялем (училась на свой заработок как до замужества, так и после). Я плачу о своих любимых занятиях в детских садах, музыкальную работу в которых я не могла бросить, поступив в Капеллу. Я плачу от стыда перед своими детьми,

⁴ Предложение в письме зачеркнуто автором.

которых я воспитывала в любви и уважении к вождям и партии рабочего класса. Что я должна ответить своему ребенку 10 лет на вопрос: "Мама, за что тебя посадили в тюрьму и выслали из Ленинграда?" Я не могу сказать своему сыну, что меня несправедливо осудили, и тем посеять в детской душе недоумение, а, может быть, и тайное нездоровое за мать озлобление. И каяться перед ребенком мне тоже не в чем.

Я умоляю Вас, Екатерина Павловна, помочь мне вернуться в Ленинград к родным ребятишкам на любимую работу. В ответ на оказанное доверие я с удесятеренной энергией буду работать на своем поприще. Несмотря на все пережитое я клянусь Вам, Екатерина Павловна, что нет у меня в душе ни малейшей искры затаенной злобы против Советской Власти. Если мне и придется умереть в ссылке, то поверьте, прошу Вас, что умирать я буду с твердой верой в Советскую Власть и ее вождей. Ошибки бывают во всяком деле и в данном случае я считаю, что произошла роковая для моей развешанной семьи ошибка со стороны Ленинградского НКВД. Страдаю я, страдает бабушка 75 лет, у которой старшего сына (имела 2 сыновей) сгноила в тюрьме царская власть в Нижегородском остроге в башне, прикованного к полу, за революционную работу. Безграмотная беспомощная старуха, 75 лет, которая всю жизнь провела в кухне да у корыта, живет теперь также, как и я, в глухом углу, тоскуя по любимым внучатам, которым она отдавала остаток своей жизни.

Я умоляю Вас, Екатерина Павловна, помочь мне снять позорное клеймо и высылку и, возвратившись в Ленинград, вернуть счастье советского человека. Никогда, ни один человек в Ленинграде не услышит от меня ничего о том, что мне пришлось пережить. Не найду слов для благодарности, если Вы разберетесь в моем деле и поверите, что я не "социально опасный элемент". Меня хорошо знают по работе в Свердловском и Василеостровском районах в дет<ских> садах по 14 линии, д<ом> 27, 8 линии, д<ом> 43 и др<угих> дет<ских> садах, адреса которых я не могу сейчас вспомнить. Не думаю, что кто-нибудь из заведующих или руководительниц мог бы отозваться обо мне, как об антисоветском человеке. В Капелле (Мойка 20) я проработала 8 месяцев и думаю, что там также ничего плохого обо мне не скажут. В Жакте по улице Эдиссона, д<ом> 5, где я жила, нашу семью знало и правление, и жильцы.

Я написала Вам все откровенно и чистосердечно. Не скрываю, что судьба мужа меня интересует. Я ничего не знаю о нем уже 7 месяцев. Я не знаю, где я могу об нем что-либо узнать. Мне неизвестна степень его провинности, а потому я не могу пока еще вычеркнуть отца своих детей из своей жизни. Надеюсь, что если он и виноват в чем-нибудь, то работой в лагерях сумеет себя оправдать.

Прошу Вас, Екатерина Павловна, прислать мне какой-нибудь ответ на письмо. Я прошу Вас о помощи в деле возврата меня и бабушки в Ленинград на прежнюю работу. Писала я из больницы 23 февраля, когда стала немного владеть руками М. И. Калинину. По 31 марта, находясь в больнице, я ответа не получила. Может быть, не дошло мое письмо, или ответ не застал меня в больнице.

Простите меня, что я беспокою Вас таким длинным письмом, но поверьте, что это крик истерзанной души, которой не безразлично отношение Советской Власти. Буду жить надеждой, что получу от Вас какой-нибудь ответ.

Нет ведь никого около меня, кто бы мог хоть немного ободрить. Все время одна и одна со своими тяжелыми мыслями.

С глубоким уважением к Вам Е. Аверина.

14/IV 1938 г<ода>.

Казахстан, г<ород> Алма-Ата, станица Иссык-Энбекши Казахского района, Ленинская улица, д<ом> 83. Е. Н. Авериной»⁵.

В июле 1938 — Елизавета Николаевна Аверина благодарила Екатерину Павловну Пешкову за помощь.

<19 июля 1938>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Приношу Вам свою искреннюю благодарность за то, что Вы мне ответили. Благодарю также за совершенно неожиданную для меня денежную помощь.

Мне, конечно, очень жаль, что Вы не смогли, ввиду ликвидации, возбудить ходатайство по моему делу, но так уж не раз в моей жизни получалось, что непредвиденное обстоятельство захлопнет передо мною дверь.

Отослала на днях заявление в Президиум Верховного Совета СССР, и надежда на то, что судьба, может быть, не совсем от меня отвернулась, дает мне пока силы переживать свое позорное положение и отчаяние.

Бабушку М. П. Аверину перевели из Башк<ирской> Республики на ссылку ко мне в Иссык. Морально стало немного легче, но детишек своих взять к себе не могу, т<ак> к<ак> не имею работы.

Еще раз благодарю Вас за участие, которое останется на всю жизнь в моей памяти.

С искр<енним> уважением к Вам
Е. Аверина.

Казахстан, Иссык, Ленинская, д<ом> 83.
19/VII-1938 год»⁶.

В конце июля 1938 — Елизавета Николаевна Аверина подтверждала письмом получение от Екатерины Павловны Пешковой денежной помощи.

<25 июля 1938>

«Е. П. Пешковой.
Помощь Политическим Заключенным

Настоящим подтверждаю получение мною пятидесяти (50) рублей, отправленные Вами 9/VII 1938 года за № XI-Л, согласно высланного ранее сообщения за № 17432 от 2/VII 1938 г<ода>.

Приношу глубокую благодарность за денежную помощь.

Е. Аверина.

25/VII 1938 года»⁷.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1652. С. 105-111. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1644. С. 19. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1644. С. 20. Автограф.